

Наталья Резанова

Веселый Джироламо

*Часть сборника
Игра времен (сборник)*

Игра времен

Наталья Резанова

Веселый Джироламо

«Автор»

2005

Резанова Н. В.

Веселый Джироламо / Н. В. Резанова — «Автор», 2005 — (Игра времен)

«Жалюзи были опущены, солнце било прямо в глаза. В этот послеполуденный час все жители города, независимо от пола, возраста и состояния, искали тени, но даже в тени было слишком жарко. Особенно для приезжего с севера. Хотелось снять мундир, улечься где-нибудь поудобнее и ни о чем не думать. Однако Роберт Дирксен никогда не позволял себе следовать подобным желаниям. Поэтому он ограничился тем, что передвинул стул подальше, чтобы солнечные лучи, пробивающиеся сквозь щели, не падали на его лицо...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Наталья Резанова

Веселый Джироламо

© Н. Резанова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Если бы в теле не было корня холода, невозможно было бы ощущение тепла. Поэтому же вполне справедливо утверждение, что тот, в ком нет ни сил, ни материала для зла, бессилен и для добра.

Шеллинг. «Философские исследования сущности человеческой свободы»

Жалюзи были опущены, солнце било прямо в глаза. В этот послеполуденный час все жители города, независимо от пола, возраста и состояния, искали тени, но даже в тени было слишком жарко. Особенно для приезжего с севера. Хотелось снять мундир, улечься где-нибудь поудобнее и ни о чем не думать. Однако Роберт Дирксен никогда не позволял себе следовать подобным желаниям. Поэтому он ограничился тем, что передвинул стул подальше, чтобы солнечные лучи, пробивающиеся сквозь щели, не падали на его лицо.

Что касается его собеседника, то за годы, которые он прослужил начальником полиции бывшей Итальянской колонии, он привык к здешнему климату и, несмотря на жару, расхаживал по комнате.

– ...вы напрасно двигаетесь – в это время здесь везде солнце. Ничего... Впрочем, вернемся к нашим бандитам.

– Он что, действительно веселого нрава или это насмешка?

– Не сказал бы.

– Так что же все-таки представляет собой этот Джироламо?

– Если б я мог это объяснить... Я – полицейский старой формации и привык, чтобы вор был вором, бандит – бандитом и мятежник – мятежником. Раньше мы, как всякий порядочный приморский округ, славились своими контрабандистами. Прекрасная была у дела организация, налажена связь с внутренними округами... хотя я опять отвлекся. Так вот, теперь с контрабандистами стало проще, зато появился какой-то новый уклон... – Он остановился. – Может, мне стоило дать вам отдохнуть пару дней с дороги, привыкнуть немного... Но ваш Менкарт уж слишком подробно расписывал вас в своих письмах... благодарите его, если желаете. А я счел нужным сразу ввести вас в курс наших дел. А дела наши не слишком утешительны. Впрочем, как и везде... Вот возьмите Англию. Казалось бы, государство самое просвещенное, и вдруг – гордоновский бунт.¹ Уж если в цивилизованных странах творится такое, то чего ждать от нашей провинции? Что, думаете, заболтался старик? Не такой уж я старик, Дирксен. Хотя, может, вы и правы. Здесь состаришься. Поэтому я и решил, что вы лучше разберетесь в этом деле. Как молодой с молодым. Вам сколько? Двадцать семь? Так вот, он даже моложе вас. Есть еще одна причина, пожалуй, более важная.

¹ Парламентский билль о правах для католиков (1778) вызвал недовольство лондонской черни, вылившееся в открытый бунт, который разразился 2 июня 1780 г. и был возглавлен лордом Джорджем Гордоном (1751–1793). Вооруженные беспорядки в Лондоне продолжались неделю и были подавлены правительством.

– Какая же?

– Вы, как я понял, – прирожденный охранитель, таков склад вашего ума. А Джироламо по натуре прирожденный разрушитель, вот ведь какое дело.

– Продолжайте.

– Вы никогда не работали в портовых городах? Арвен не в счет, это столица. Смешанное население и все, что из этого вытекает.

– А Джироламо?

– Джироламо? У нас описание его наружности. Около двадцати пяти лет, роста среднего, лицо смуглое, глаза, волосы темные, бороды, усов не носит, особых примет не имеет. Между прочим, соответствует действительности. И внешности каждого третьего жителя провинции. А конкретно – если вы скажете любой городской девице, что Джироламо не писанный красавец, она вцепится вам ногтями в физиономию. Герой, понимаете ли, должен быть красив, как Аполлон, шести футов ростом, иметь пронзительный взор и громовой голос. Но хотя Джироламо и не уродлив, красивым его тоже не назовешь. Есть в нем, пожалуй, что-то обезьянье – в смысле неправильности и подвижности черт. Роста он скорее небольшого, чем среднего... Впрочем, вы знаете, этот тип, еще с детства, – подвижный жилистый мальчик незавидного роста, но в случае драки с ним лучше не связываться, а драчлив он необыкновенно. И наверняка у вас в памяти следующая картина из школьной жизни: этот вот недоросток нападает на самого здорового парня во всей школе. Все стоят вокруг и не вмешиваются. Верзила бессмысленно молотит кулаками по воздуху, а малыш подскакивает к нему с самых неожиданных сторон, избивая почем зря. А ведь если б тот его достал, мог бы убить одним ударом. Представили? Кстати, это довольно точная картина наших внутренних обстоятельств...

– Откуда такие подробности?

– А я, молодой человек, видел Джироламо, причем так же близко, как вижу вас.

– Вот как. И при каких обстоятельствах?

– До этого я дойду. Дело в том, что его многие видели. Почти все. Он любит появляться открыто. Дней десять назад он объявился в Бранке, пробыл там почти двое суток и отбыл при всенародном ликовании. У него было три спутника, но провожала его целая толпа. Женщины бросали ему цветы, и не хватало только оркестра. Он выехал за ворота – и исчез. Это тоже входит в его привычки – исчезать. И где он – не знает никто из тех, кто толпился на улице и вопил: «Ура, Веселый Джироламо!» О представителях власти я и не говорю...

– Почему же они не арестовали его, когда он был в городе?

– Боялись. Просто боялись. Вы никогда не сталкивались с таким явлением природы – народный герой? В ряду общественных бедствий он стоит сразу за чумой и землетрясением. С чумы-то все и началось. Вернее, с холеры, поразившей Итальянскую колонию двадцать лет назад, а точнее, в тот день, когда купец Джузеппе Ридольфи, дом которого не затронула эпидемия, дал обет усыновить какого-нибудь сироту. Здесь все католики... И он исполнил этот обет, положив начало нашим бедствиям, – просто взял с улицы маленького бродяжку, которых после эпидемии много шаталось, и усыновил. Никто не знал, какого он вероисповедания, и мальчик был заново крещен именем Джироламо. Я не верю в судьбу и не склонен считать это имя предзнаменованием. Мотивы же, побудившие почтенного купца дать приемышу имя безумного монаха,² остались мне неизвестны. Детские и отроческие его годы, как говорится, покрыты мраком, но я не сомневаюсь, что его способность привлекать к себе окружающих проявилась уже тогда. Во всяком случае, Ридольфи всегда относился к нему как к родному сыну. Но сам он ни к кому не прилепился сердцем... и ни к чему... кроме бунта. Бунтовщик-профессионал.

² Джироламо Савонарола (1452–1498) – монах-доминиканец, проповедник воинствующего аскетизма. Возглавил государственный переворот во Флоренции (1494), способствовал установлению теократической республики. В 1497 г. отлучен от Церкви, впоследствии казнен.

Это тянется с изматывающим душу постоянством уже лет семь – провокации против армии и полиции, разоблачения, призывы, и все это обильно поливается кровью. Человеческой кровью. Нас упрекают, и, может быть, не без основания, в излишней жестокости. Но именно такие, как Джироламо, обесценивают человеческую жизнь.

А теперь я расскажу вам, как встретился с ним. Это было четыре года назад, и он уже тогда был таким, как сейчас, – всем известным невидимкой... От одного надежного агента я получил известие, что определенной ночью Джироламо поедет по дороге на Козий Брод. В указанное время отряд вооруженной стражи задержал на дороге двоих мужчин и доставил в Бранку. Арестованные были люди молодые, явно местные жители. При начале допроса один из них сразу заявил, что он-де и есть Джироламо. И мы ему поверили. Я поверил. Я сам находился в плену у легенды о красавце шести футов ростом, с огненными очами, а он был действительно высокий и красивый малый. Поэтому на второго, довольно-таки невзрачного парнишку, никто не обратил внимания. Он стоял у стены, скалил великолепные зубы в ухмылке, и рожа у него была добродушная... Я думал тогда, что добродушие является признаком тупоумия. Увы! Самые закоренелые преступники часто бывают добродушны. А какой добродушный вид у наиболее крупных хищников! Они могут себе это позволить.

– Значит, это и был Джироламо?

– Да. А тот, высокий – Альдо Хейг его звать – его помощник и телохранитель. Но тогда мы усердно допрашивали его как Джироламо, и он произвел на меня впечатление угрюмого упряма. Или упрямого угрюмца – как вам больше по нраву. Потом их рассадили по разным комнатам, приставили охрану и стали ждать утра. До сих пор не знаю, где он взял кинжал – украл, когда его обыскивали, или украл у кого-нибудь...

– Кто?

– Джироламо, конечно. Настоящий Джироламо. Он зарезал обоих охранников, освободил Хейга, и они бежали, причем все это он проделал еще до рассвета. Нужно ли говорить, что неделю спустя, отправившись на встречу с тем самым надежным агентом, я нашел его мертвым? Каким образом его разоблачили, не знаю, но чувствовалась рука... И вот что я тогда подумал: «Он плохо кончит, этот Джироламо. Он слишком легко убивает».

– Однако...

– Да. Четыре года. Время пришло. Всякая мера нарушена. Он должен быть уничтожен. Да, разумеется, я предпочел бы официальную казнь – рассвет, палача, барабанный бой и прочие необходимые атрибуты. Но я не требую от вас невозможного. Важно, чтобы он перестал существовать, каким образом – не имеет значения.

– А ведь вы, Армин, его ненавидите.

– Да. – Он помолчал. – Я ненавижу его. Поэтому я и не могу с ним сладить. Там, где замешаны чувства, – дело конченное. А вам он безразличен. На это я и надеюсь.

– Интересно... Вы что, предназначаете меня на роль убийцы?

– Охранителя. Я уже сказал. Ну а если вы так щепетильны, попробуйте арестовать его. Я буду только рад.

– И как вы себе это мыслите?

– Виноват, мыслить должны вы. А я предоставляю необходимые сведения.

– Выход на окружение?

– Примерно так. Хотя «окружение» – слишком громко. Есть люди, общение с которыми может кое-что дать.

– Именно?

– Во-первых, вероятно, все тот же Ридольфи. Нет никаких сведений, что он встречался с Джироламо в последние годы, да и сам он, конечно, все отрицает. А всякое отрицание есть в то же время и утверждение. Ну и потом, все-таки отец...

– Приемный.

– Какой-никакой... Между прочим, я ни разу не слышал, чтобы Джироламо нуждался в деньгах, хотя суммы он тратит порой значительные. На одном народном энтузиазме долго не продержишься. Значит, кто-то его финансирует... А Ридольфи богат... Второй – уже упомянутый Альдо Хейг. Тоже хорошо известная личность. Уроженец города Форезе. Вашего примерно возраста. До встречи с Джироламо примечателен только тем, что к двадцати годам был полным алкоголиком. Опустившийся грязный оборванец. Попрошайка. Предмет насмешек и издевательств всего округа. Конченный человек. И вот такого типа Джироламо – сам Веселый Джироламо – выбирает себе в друзья. Всеобщее потрясение. Не знаю, что там было – предвидение или просто ловкий ход, скорее последнее, но в данном случае он себя оправдал. Хейг мало того что перестал пить, он совершенно преобразился. И все вдруг увидели, что он парень храбрый, красивый и неглупый. И – друг самого Джироламо. Престиж творит престиж, и так без конца. Но Хейг-то чувствовал, кому он обязан тем, что из ничтожества стал уважаемым человеком. Результат? Я его видел. Джироламо вырастил себе цепного пса. Хейг для него не пожалеем ни своей жизни (я свидетель), ни чужой. Он не жесток. Он предан. Не знаю, что хуже.

Дальше. Контрабандисты. Они еще действуют, хотя и поутихли в последнее десятилетие. Среди них я бы обратил внимание на Браччо – владельца шхуны «Амфитрита». Думаю, что именно он закупает для Джироламо оружие. Прожженный тип. Ни разу не попадался на горячем. Я бы ему и морского песка не доверил, но с Джироламо, очевидно, он ведет себя честно, иначе тот нашел бы себе другого агента. Может, впрочем, есть и другие. Насколько я догадываюсь, у Джироламо обширные связи в горах, но среди горцев, в отличие от портовых, у меня нет своих людей...

– Женщины?

– Ну-ну. Разумеется, молва приписывает Джироламо невероятный успех у прекрасного пола. И я склонен в это поверить. Но не называли никаких конкретных имен, во всяком случае, я не слышал. И никаких инцидентов, связанных с ревностью, обманом, изменой. Если женщин у него действительно было много, то они с этим примирились. Ему – как и в других отношениях – прощается то, чего не простили бы никому. И вообще я уверен, что женщины, сколько бы их ни было, не занимают в жизни Джироламо заметного места, так же, как и деньги. Он бескорыстен, он действительно бескорыстен, как это ни печально...

– Значит ли это, что он бесчувственен?

– Вот так вы это понимаете.

– Да. Если чувства – проявление слабости, а он силен, вывод...

– Н-не думаю. Какие-то чувства, хотя бы в зачаточной форме, ему доступны. Благодарность...

– Тщеславие.

– Возможно. Одним словом, ищите. С чего начать – решите сами.

– Тогда, – Дирксен встал, подошел к окну, за которым, скрытые сейчас жалюзи, в бледно-голубом мареве колыхались верхушки мачт, – все-таки с порта. Это единственное место, где появление нового человека не вызовет излишнего любопытства. Наоборот, это вполне естественно... – Он не закончил.

– И в каком качестве вы предполагаете там появиться?

– Отставной офицер с севера. Уволен из флота его величества за какую-то провинность – дуэль, растрата... Приглядывается к местным торговым кораблям.

– А справитесь?

Дирксен отвернулся от окна.

– Это не проблема. Если бы я не был, как вы изволили выразиться, прирожденным охранителем, то стал бы моряком. Все-таки Арвен – не только столица, но и портовый город.

Справка о бывшей Итальянской колонии

Основана в середине XIV века итальянскими купцами. Первоначально, сохраняя зависимость от Арвена, управлялась автономно. В 1662 году потеряла свою самостоятельность. Административный центр – Форезе, около 6 тыс. жителей. Другие города – Бранка, Азорра. Занятия – рыбная ловля, торговля, овцеводство, виноградарство. Кустарные ремесла. Состав населения – смешанный, подавляющее большинство – католики. Мелкое частное судовладение. Больница – одна (Форезе). Тюрем – уголовная (Форезе), военная (Азорра). Там же расквартирован драгунский полк.

Основные силы были размещены не в Форезе отнюдь не по недосмотру. Город, расположенный на острове, соединенном с материком искусственным перешейком, был достаточно защищен как природой, так и сильными укреплениями, возведенными еще в пору религиозных войн. Правда, в случае осады сказалась бы нехватка пресной воды. Однако нападения извне не случалось уже более шестидесяти лет. Местные беспорядки подавлялись полицией.

Наступал сентябрь 1781 года.

Письмо, которое Энгус Армин получил от Дирксена на адрес одного из своих агентов, было коротким.

«Остановился в портовой гостинице «Генуя», но предполагаю скоро съехать. Уверен, что никто из сброда, ошивающегося здесь, не знает настоящего местопребывания Джироламо. «Амфитрита» – в плавании. Связать эти два обстоятельства?

Размышляя над тем, что вы сообщили мне, я все больше убеждаюсь, что Джироламо должен сохранять связь со своим приемным отцом. Поэтому я бы рекомендовал арестовать Ридольфи. Разумеется, он будет все отрицать. Пусть. Сам старик в конечном счете меня не интересует. Мне важны последствия, которые произведет его арест. Потому желательно, чтобы старик содержался не в Форезе...»

* * *

За эти две недели он уже примелькался в порту, хотя не слишком стремился вступать в разговоры. Впрочем, от приглашений в компанию он не отказывался – сиди, пей, никто в душу не лезет. Историями, которых он наслушался здесь, можно было заполнить целые тома. Многие предоставляли интерес с точки зрения его профессии. Так он узнал историю величия и падения «Малой Ломбардии» – организации контрабандистов, о которой упоминал Армин, – называлась она так, вероятно, потому, что ее учредили выходцы из настоящей Ломбардии. Вспоминали и знаменитый рейд капера «Морская ведьма», уничтожившего пиратство в здешних водах восемнадцать лет назад, – и противоположная сторона имела своих героев. Однако нынешняя береговая охрана знатоками и в грош не ставилась, так же, как и контрабандисты, на проверку оказавшиеся выродившимся потомством предприимчивых колонистов. Все это помогало узнать местную жизнь и стиль мышления, но дела не продвигало ни на йоту. Однако Дирксен был терпелив. Из многоголосого хора он умел выуживать реплики, характеризующие разыскиваемого, известного как Веселый Джироламо.

– ...и ни разу не промахнулся. Хоть с правой, хоть с левой руки. Серьгу из уха у красотки собьет, а уха не заденет.

– ...а голосина у него мощный. Гаркнет – стекла в трактире напрочь вылетят.

– Ты сам-то хоть видел его?

– Видел. Даже дважды. Только давно...

Большинству из них приходилось видеть Джироламо, и они восхищались его храбростью, остроумием, а более всего удачливостью, но никто из них и понятия не имел, где он находится сейчас. И еще один вывод сделал для себя Дирксен – Джироламо давно не появлялся в Форезе, во всяком случае, открыто – очевидно, какую-то осторожность он все-таки соблюдал.

Делались неоднократные попытки проследить за домом Джузеппе Ридольфи, но кто может выявить всех посетителей купца, ведущего дела с моряками? Именно это и привело Дирксена к мысли изолировать старика – кстати, он действительно старик, ему уже за семьдесят. Посмотрим, как себя поведет Джироламо. Раз он герой, то и поведение у него должно быть геройское. А для этого надо слегка подогреть общественное мнение.

Известие об аресте Ридольфи пришло в «Геную» вечером, когда в зале было полно народу, и никто не обратил внимания на появившуюся среди клубов табачного дыма фигуру, надсадно прокричавшую:

– Люди! Слушайте все!

Крики здесь были не в диковинку, скорее удивило бы молчание, и потому лишь некоторые повернули головы в сторону крикуна.

– Что блажишь?

– Старика Ридольфи взяли!

– Как – взяли?

– Дурак! Повязали старика! Я сам там сейчас был. Разгром полный. Пух по всей улице летает...

– Легавые?

– Черта с два! Солдат нагнали! Сколько уж, не считал, а полно, и со штыками наголо, как охрана короля мавританского!

Теперь уже слушали все, как и желал вестовщик, причем не столько слушали, сколько били кулаками по столам, топали и бранились. Проклятия, призываемые на головы представителей местных властей, падали с большим обилием, чем дождевые капли осенью. Во всем зале молчал единственный человек – Дирксен. Это не осталось незамеченным.

– А ты что же? Не слышал?

– Слышал. Ну и что?

– Так ведь позор на всю провинцию! Невинного человека, ни за что...

– Правильно, позор, беззаконие. – Он говорил спокойно, но к нему почему-то прислушивались. – Только справедливость глоткой не установишь. И битьем посуды тоже.

Сказав это, он поднялся и пошел к выходу.

– Гляди, какой умник выискался! – брякнул кто-то ему в спину.

Он остановился в дверях.

– Я с севера. У нас люди привыкли не орать, а действовать. Что ж, каждый живет как знает.

Дирксен понимал, что рискует нарваться на драку, оскорбляя местный патриотизм. Однако ответом ему было лишь настороженное молчание. Он ушел. Итак, зерно было посеяно. Следовало ждать всходов. А ждать он умел.

Было уже темно за порогом. Тьма стояла тяжелая и одновременно живая, как это бывает только на юге. Может быть, это ощущение возникало из-за близости моря. До самого моря нужно было спуститься. Гостиница стояла на высоком обрыве. Но он сошел по вырубленным в скале ступеням. Прошел по узкой полосе, усыпанной мелкой галькой, край которой ворочался слабой волной. И так же слаб был ветер – не ветер, а дыхание, касавшееся тела. Он расстегнул пуговицу камзола. Перед ним было море – то же самое море, что омывает арвенские пристани, и все же другое.

Какое-то движение почудилось ему за спиной, вмиг сбив несвойственную Дирксену слабость. Он даже не смог бы объяснить, что именно ему померещилось – легкие шаги по кромке обрыва? Тень, мелькнувшая на белой гальке рядом с его собственной? Не важно. Сработала привычка.

Он не двинулся с места, хотя все его мускулы напряглись. Он не боялся. Он был готов даже к нападению, хотя его не должно было быть по рассчитанной схеме. Просто он выбрал мгновение, чтобы неожиданно обернуться и увидеть, кто следит за ним. И он никого не увидел. У того, другого, реакция оказалась еще быстрее. Он успел метнуться в темноту и пропасть в ней. Только несколько камешков, стуча и подпрыгивая, скатились с обрыва.

Дирксен никуда не побежал. Он убедился, что за ним именно следят, а этого пока было достаточно.

На следующий день стало известно, что Ридольфи заключен в тюрьму Форезе, а еще через день неизвестно откуда поползли слухи, что старика собираются еще куда-то перевозить.

– В военную тюрьму, – сказал Дирксен, сидя в зале «Генуи».

– А ты откуда знаешь? – с недоверием спросили его.

– Это ясно, как божий день, – спокойно ответил он. – Вы же слышали – арестовали солдаты. Не полицейские. Совершенно очевидно, что полиция отказалась заниматься делом Джироламо и передала его в компетенцию военных властей. Ну а там начинают с крутых мер. И столь же ясно, что купца Ридольфи переведут в Азорру, в крепость, и будут судить, по всей вероятности, военным судом.

– Хватил! Почему бы сразу не в столицу?

– Потому что это все местные дела, в Арвене их не знают, и Ридольфи могут оправдать. А здесь – никогда. От старика, похоже, решили избавиться.

– Но ведь он же ни в чем не виноват!

– Я словно разговариваю с детьми. Разве суду важна виновность? Важно обвинение...

Второе письмо Дирксена Армину.

«Я получил еще два свидетельства того, что за мной наблюдают. Во-первых, кто-то влез ко мне в комнату и обыскал ее, и хотя вещи были разложены и расставлены по своим местам, но не настолько тщательно, чтобы я не заметил следов визита. Вчера я разговаривал с хозяином гостиницы о судьбе Ридольфи. Он носится с идеей прощения о снисхождении. Я ответил ему, что справедливости не просят, а добиваются. В это время кто-то стоял у окна, прячась за ставней.

Насчет этого письма не беспокойтесь – я принял меры предосторожности и при себе не держу ничего компрометирующего. Со своей стороны я предложил бы нагнетать слухи об опасностях, угрожающих Ридольфи, а давать вам советы относительно того, чтобы он прибыл в крепость в целости и сохранности, думаю, не мое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.